

Научная статья

УДК 811.112.2

DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-35-48

Языковая репрезентация мифотворчества как способа художественной когниции (на материале лирики британского постмодерна)

Светлана Игоревна Линниченко

Самарский государственный технический университет
Самара, Россия

s.linnichenko@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0003-2709-4951>

Аннотация

Статья посвящена проблеме мифотворчества в литературе постмодерна. Явление новой мифологии рассматривается как философский и литературный феномен, а также анализируется с точки зрения когнитивной лингвистики. Цель исследования состоит в выявлении языковых способов репрезентации мифотворчества как инновационной когнитивной практики поэтов британского постмодерна. Современное мифотворчество представляет собой сложный философский феномен. Новая мифология становится источником псевдореальности и при этом постоянно отсылает к другим мифам и образам, переосмысляя их. Миф превращается в систему нарративов и принадлежит исключительно пространству языка. С точки зрения лингвистики, миф – это сложный языковой знак, регулирующий жизнь человека на бессознательном уровне и связывающий друг с другом культуру и язык. Современное мифотворчество эпохи постмодерна становится способом художественной когниции, создавая новые смыслы путем сопоставления различных мифологических систем. Данная когнитивная практика является неотъемлемой частью новой реальности, которую отличают хаотичность, интерактивность, сингулярность и непредсказуемость. Писатели эпохи постмодерна чаще всего обращаются к космогонической мифологии, создавая собственные уникальные мифологические системы, сконструированные из элементов уже существующих мифов. При этом мифология постмодерна репрезентируется уникальным языком. Исследование лирики британских поэтов показало, что языковые способы выражения мифа очень разнообразны и отличаются друг от друга у различных писателей. Помимо этого, разные британские поэты берут в качестве основы своей собственной мифологии мифы различных культур, обращаясь к древнегреческой, кельтской, индийской и др. эсхатологиям. Посредством лингвистического анализа художественного текста, интерпретационного, грамматического, фонетического и контекстуального типов анализа выявляются языковые способы выражения современного мифа. Среди них определены историческая, культурная, географическая, мифологическая, сказочная аллюзия; интертекстуальная метафора; аллюзийный поток; стилизация, представленная фонетической, лексической и синтаксической имитацией интертекста; олицетворение природных стихий, опровержение мифа, взаимодействие с читателем. Установлено, что обозначенные языковые средства взаимодействуют в рамках лирических текстов, создавая новую авторскую мифологию, открывающую уникальные художественные смыслы.

Ключевые слова

мифотворчество, постмодерн, лирика, аллюзия, интертекстуальность

Для цитирования

Линниченко С. И. Языковая репрезентация мифотворчества как способа художественной когниции (на материале лирики британского постмодерна) // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2024. Т. 22, № 4. С. 35–48. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-35-48

© Линниченко С. И., 2024

Language Representation of Myth-making as a Method of Artistic Cognition (Based on the British Postmodern Poetry)

Svetlana I. Linnichenko

Samara State Technical University,
Samara, Russian Federation

s.linnichenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-2709-4951>

Abstract

The article is devoted to the issue of myth-making in postmodern literature. A new mythology is regarded as a philosophical and literary phenomenon, and is also analyzed from the point of view of cognitive linguistics. The main sources of mythology and trends in myth-making in modern fiction are also defined. The purpose of the study is to identify linguistic ways of representing myth-making as an innovative cognitive practice of British postmodern poets. Modern myth-making is a complex philosophical phenomenon that becomes a source of pseudo-reality and at the same time constantly refers to other myths and images, reinterpreting them. Myth turns into a system of narratives and belongs exclusively to the space of language. From the point of view of linguistics, myth is a complex linguistic sign that regulates human life on an unconscious level and connects culture and language with each other. Modern myth-making of the postmodern era is becoming a way of artistic cognition, creating new meanings by comparing various mythological systems. This cognitive practice is necessary to understand the new reality, which is chaotic, interactive, singular and unpredictable. Writers of the postmodern era most often turn to cosmogonic mythology, creating their own unique mythological systems constructed from the elements of already existing myths. At the same time, postmodern mythology is represented in a unique language. A study of the British lyrics showed that the linguistic ways of expressing myth are very diverse and differ from writer to writer. In addition, different British poets take the myths from various cultures as the basis for their own mythologies, turning to ancient Greek, Celtic, Indian and other eschatologies. Through linguistic, interpretative, grammatical, phonetic, and contextual analyses of a literary text the following language ways of the modern myth manifestation are identified: historical, cultural, geographical, mythological, fairy-tale allusion; intertextual metaphor; allusion flow; stylization represented by phonetic, lexical and syntactic imitation of intertext; personification of nature forces; myth destruction; interaction with the reader. It has been shown that linguistic means interact with one another in lyrical texts, creating an author's new mythology that reveals unique artistic meanings.

Keywords

myth-making, postmodern, poetry, allusion, intertextuality

For citation

Linnichenko S. I. Language Representation of Myth-making as a Method of Artistic Cognition (based on the British postmodern poetry). *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2024, vol. 22, no. 4, pp. 35–48. DOI 10.25205/1818-7935-2024-22-4-35-48

Введение

Актуальность данной темы обоснована тем, что культурное пространство постмодерна базируется на новой мифологии, которая распространяется на все сферы современной действительности, включая в себя, помимо искусства, экономику, политологию, культурологию и др. Мифы формируют образ современного мира, наполняя информационное пространство. При этом в литературе эпохи постмодерна мифотворчество становится способом художественной когниции, что актуализирует необходимость исследования языковых процессов, лежащих в основе данного феномена.

Научная новизна исследования состоит в том, что мифотворчество рассматривается как способ художественной когниции, а также выявляются новаторские языковые способы языкового выражения современного мифа.

Цель исследования – выявление языковых способов репрезентации мифотворчества как инновационной когнитивной практики поэтов британского постмодерна.

Задачи работы заключаются в следующем: 1) проанализировать мифотворчество как философский и литературный феномен; 2) рассмотреть специфику мифотворчества в контексте когнитивной лингвистики; 3) определить способы языкового выражения современного мифа.

Выбор методов исследования обусловлен целью и совокупностью поставленных задач. Метод описания и обобщения использовался для анализа феномена мифотворчества в литературе и философии постмодерна, а также в современном лингвистическом знании. Сбор материалов для исследования был выполнен с помощью метода сплошной выборки. С целью выявления способов языковой реализации современного мифа в лирике британского постмодерна были использованы лингвистический анализ художественного текста, интерпретационный, грамматический, фонетический и контекстуальный анализ.

Материалом исследования послужила лирика британского постмодерна, представленная в следующем источнике: В двух измерениях. Современная британская поэзия в русских переводах. М.: Новое литературное обозрение, 2009.

Теоретической базой исследования послужили труды таких французских философов, как М. Элиаде, рассматривающего миф в качестве культурного кода и способа мышления определенной эпохи; Ж. Л. Нанси, Ж. Бодрийяра, Р. Барта, описывающих феномен новой мифологии. Тематическое и художественное своеобразие современной британской поэзии рассматривается на основе работ Л. Н. Глухенькой и Ж.-Ф. Лиотара. Основные тенденции мифотворчества в литературе постмодерна анализируются на базе работ Л. Хиджинян, В. Вельша, Дж. Кэмпбелла, А. Боломи. Лингвистическую базу исследования составляют труды К. Леви-Стросса, трактующего миф как универсальную структуру, регулирующую духовное бытие человека; работы Н. Н. Болдырева и А. К. Кравченко, посвященные изучению мифологии как когнитивной системы, а также исследования Н. С. Поповой и Л. Ю. Семейн, Л. Талми, основой которых является концептуальная составляющая мифотворчества.

Теоретическую значимость исследования определяет комплексный анализ проблемы мифотворчества с точки зрения философии и лингвистики, а также подробный анализ литературной специфики новой мифологии. Помимо этого, определяются инновационные языковые средства репрезентации мифа как способа художественной когниции, что дополняет систему теоретического знания в данной области в рамках когнитивной лингвистики.

Практическая значимость исследования заключается в том, что оно может быть использовано при разработке общих и специальных курсов по языкознанию, когнитивной лингвистике, литературоведению.

1. Мифотворчество как философский и литературный феномен эпохи постмодерна

В первую очередь необходимо разделить понятия традиционного мифа и современного, принадлежащего эпохе постмодерна. Согласно румынскому историку и философу М. Элиаде, миф, в его изначальном понимании, представляет собой сакральную историю, повествующую о том, каким образом известная человеку реальность достигла своего воплощения и осуществления [Элиаде, 1996. С. 15]. Таким образом, миф можно определить как нарратив, содержащий в себе культурный код эпохи, а также интерпретирующий актуальные для данного исторического периода смыслы. Миф передает представление людей о мире, о месте человека в нем, о мистических силах, управляющих универсумом, и при этом является синкретичным, т. е. предполагает одновременность восприятия. Таким образом, мифология является символом культуры, а также способом мышления, характерным для определенной фазы развития любого общества.

В современном мире, давно оставившем позади данный этап развития, происходит, однако, возрождение мифологического мышления, но понятие о мифе обретает иное значение. Если традиционные мифы помогали человеку приспособиться к реальности, то современная мифология создает псевдореальность, т. е. смысл мифа заключается теперь в самом мифе, который принадлежит исключительно пространству языка.

В основе традиционного и современного мифотворчества лежат одни и те же законы, но если первобытные мифы имели стихийный, коллективный характер, то мифология эпохи постмодерна – это творение конкретного автора. В литературе XX–XXI вв. переосмысление мифологических сюжетов приобретает чрезвычайно широкий масштаб, что приводит к появлению новой мифологии. При этом мифологизация объясняется недоверием к истории и выражает ощущение зыбкости современной цивилизации. В этой связи следует упомянуть значительное влияние жанров фантастики и фэнтези на мифотворчество постмодерна, которые бурно развиваются в XX в. в связи с общей тенденцией к эскапизму в современном обществе, желанием абстрагироваться от реальности.

Миф становится системой нарративов, которая имеет собственное значение и оказывает определенное воздействие на реципиента, деформируя реальность. Поэтому миф не может быть определен в категориях истины, его нельзя оспорить [Барт, 2008. С. 279–287]. Как следствие этого возникает симуляция смысла и реальности.

Ж. Бодрийяр указывает на то, что современному человеку необходим миф для того, чтобы избавиться от страха одиночества, ощущения разорванности и непредсказуемости современной действительности [Бодрийяр, 2015. С. 20–23].

В качестве причин возникновения новой мифологии Ж.-Л. Нанси также называет социальную разобщенность и сингулярность [Нанси, 2009. С. 113, 116]. Неопределенность и неуверенность эпохи постмодерна является следствием своеобразной игры, ориентированной на интеллектуального читателя (модернизм без грусти – «*Moderne ohne Trauer*») [Welsch, 2008. S. 2], не сожалеющего больше о потере идентичности, единства и смысла. Текст становится общим пространством взаимодействия автора и читателя, в рамках которого становятся возможными альтернативные смыслы. Как утверждает поэт и переводчик Л. Хеджинян, текст открыт миру и читателю, поэтому автор лишается власти над читателем [Hejinian, 2000. P. 43].

При этом современный миф, в отличие от традиционного, не опирается на знание, но апеллирует к другим мифам и образам, постоянно предлагая новые версии предыдущих историй, не отвергая их самих. Обращение к мифологическим сюжетам позволяет посмотреть на современность и историю с новой точки зрения. Мифы перестают быть однородными, составляя фрагментированную виртуальную реальность, в основе которой лежит универсальный нарратив [Campbell, 2008. P. 23]. Если парадигма модерна отрицает мифологическое, выстраивая рациональную картину мира, то постмодерн, напротив, обнаруживает нехватку иррационального. Именно поэтому особую популярность приобретают космогонические мифы о хаосе и конце света, которые посредством мифологических аллюзий раскрывают новые уровни символических значений.

Авторы создают собственные системы мифологических образов и символов, опираясь при этом на известные законы мифологического времени и пространства, используют общеизвестные образы и мотивы, обладающие особой культурно-исторической значимостью для создания уникальных мифологических систем. Текст становится общим пространством взаимодействия автора и читателя, в рамках которого возникают альтернативные смыслы. Из отдельных элементов мифов конструируется художественная реальность как результат переосмысления разнообразных культурных традиций [Bouloumie, 1998. P. 259–271].

Таким образом, современный миф имеет те же основания, что и традиционный, т. е. является определенным способом мышления, однако его специфика заключается в том, что вместо объяснения реальности создается псевдореальность, виртуальный мир, структурированный из нарративов. Возникает множество вариантов одних и тех же мифологических сюжетов, т. е. мифологем, базирующихся на универсальном нарративе или мономифе. При этом мифы эпохи постмодерна принадлежат конкретным авторам, создающим свои собственные художественные картины мира из элементов различных эсхатологий.

2. Феномен мифотворчества в когнитивной лингвистике

С точки зрения когнитивной лингвистики, миф представляет собой комплексный феномен, который может трактоваться не только как результат освоения мира человеком, но также как устойчивый стереотип массового сознания и языковой механизм, формирующий его. В рамках лингвистического знания миф следует рассматривать как комплексный языковой знак. К. Леви-Стросс в своей работе «Структурная антропология» указывал, что миф является универсальной структурой, которая действует как бессознательный механизм, регулируя духовное бытие человека. При этом данные структуры могут быть исследованы в качестве знаковых систем, связывающих культуру и язык. Структурными элементами мифа являются мифемы, лексические единицы, обладающие особым мифическим содержанием и формирующие логическую модель для разрешения некоего противоречия [Леви-Стросс, 2011. С. 241–244]. Другими словами, мифология обладает своим собственным метаязыком, который способен отделить смысл от его языковой основы. В связи с этим можно утверждать, что в основе мифа лежит универсальная когнитивная структура, воплощающая в себе совокупный человеческий опыт и тем самым позволяющая определенным образом интерпретировать действительность [Laurence, Margolis, 1999. P. 4–7]. Современные концептуальные системы структурированы из мифологических сюжетов и образов, которые легко вызываются в сознании индивида и почти однозначно интерпретируются, являясь неотъемлемым элементом культурной парадигмы. При этом основная функция мифа состоит в создании некоего образца системы ценностей, которая складывается не только из накопленных знаний об окружающем мире, но также из личностных оценок. Мифы усваиваются человеком еще до того, как он обретает способность критически мыслить, т. е. мифологическое знание является intersubjective, так как посредством коммуникационных процессов перемещается из одного индивидуального мира в другой [Болдырев, 2020. С. 46–57].

Миф как когнитивная структура является дискретным явлением и состоит из архетипа, т. е. смыслового ядра и содержательной формы. Архетипы формируют представление индивида о мире и являются универсальными для большинства мифологических систем. В лингвистическом знании изначальную форму архетипа называют мифологемой. Мифологема – это вербально оформленная когнитивная единица, которая является когнитивно-семантической универсалией раннего осмысления мира [Кравченко, 2006. С. 90–92]. Помимо этого, под мифологемой принято понимать исходные модели событий и явлений, зафиксированные в мифологиях, с которыми можно типологически соотнести сходные события и явления современной жизни. Мифологемы раскрываются через символы и концепты. Концепты, составляющие мифологическую концептосферу, называют мифоконцептами. Они могут формироваться на основе метафор и отражают когнитивную способность человека [Попова, 2020. С. 229–233].

При этом особое значение для понимания познавательных механизмов имеет исследование взаимосвязи художественной когниции и мифотворчества. В этой связи особую значимость для языкового выражения мифа обретают символические концепты, объединяющие мифологический и архетипический уровни [Smith, 2004]. Согласно Л. Ю. Семейн, в авторском сознании символ существует в виде набора устойчивых индивидуальных ассоциаций, закрепившихся за образом в национальной и/или индивидуальной концептосфере [Семейн, 2006. С. 25]. Процесс символизации становится возможным при наличии контекста интерпретации, в рамках которого тот или иной объект способен вызывать в сознании реципиента ассоциацию с определенной концептуальной структурой. Авторское мышление накладывается на мышление мифопоэтическое, что приводит к возникновению нового мифа, который может по отдельным критериям отличаться от прототипа. Именно в разнице между первичным и вторичным, т. е. авторским мифом, сокрыт художественный смысл, ради которого автор прибегает к мифотворчеству. При этом механизм включения мифа в авторский текст можно проследить, опираясь на когнитивную интерпретативную модель Л. Талми, которая представлена набором

структур и параметров, таких как включение (Inclusion), взаиморасширение (Coextension), грануляция (Granularity). Под взаиморасширением (Coextension) понимается сосуществование в тексте двух концептуальных структур, одна из которых совпадает с другой и компенсируется ею, или является вспомогательной по отношению к ней. Грануляция (Granularity) направлена на раскрытие деталей художественного текста. Включение (Inclusion) представляет собой интердискурсивную структуру, отсылающую к постоянным смысловым кодам [Talmy, 2000. P. 417–481].

Таким образом, можно заключить, что миф как лингвистический феномен представляет собой определенный стереотип мышления, выраженный в виде сложной системы языковых знаков. Одновременно с этим миф является дискретной когнитивной структурой, состоящей из архетипа и содержательной формы, которая, в свою очередь, структурируется из мифема на лексическом уровне. Изначальные формы архетипа, мифологемы, являясь когнитивно-семантическими универсалиями, представляют собой способ раннего осмысления мира. Включение мифа в художественное творчество осуществляется через символические концепты, выражающие новые авторские смыслы.

3. Специфика современной британской поэзии

Несмотря на то что феномен постмодернистского романа широко представлен в исследованиях теории литературы и языка, лирика постмодерна до сих пор остается мало изученной сферой, что обуславливает актуальность всестороннего анализа современной британской поэзии как в аспекте идеологии, так и художественных форм.

Однако, в первую очередь, необходимо определить временные рамки и основные тенденции, характерные для британского постмодернистского романа, оказавшего существенное влияние на лирику. В целом, в британской прозе традиционно выделяют ранний и поздний постмодернизм. Ранний постмодернизм формируется в конце 30-х гг. XX в., например, одним из первых романов в рамках данного литературного направления считается «Поминки по Финнегану» Дж. Джойса (1939 г.). Поэтику произведений данного периода характеризуют ярко выраженная саморефлексия, двойное кодирование, пастиш, разнообразные игровые приемы. Поздний постмодернизм начинается с 1980-х гг., его яркими представителями являются Дж. Барнс, Дж. Свифт, И. Макьюэн, П. Акройд и др. В течение данного периода философия постмодернизма уже глубоко укоренилась в британском романе, для которого, в связи с этим, становятся характерны фрагментарность, интертекстуальность и другие традиционные для данного направления приемы.

Возникновение постмодернистской британской поэзии с трудом поддается датировке, так как в зарубежной критике она далеко не всегда выделяется в отдельное направление современной английской литературы. Однако отдельные лирические тексты, в которых прослеживается философия, а также эстетика постмодерна, появляются в различных антологиях британской поэзии, начиная с 50-х гг. XX в., а современная британская лирика все чаще отождествляется критиками именно с постмодерном [Глухенькая, 2021. С. 115–120].

Следует отметить, что при этом многие современные британские поэты, творчество которых приходится на 2000-е гг., причисляют себя к неомодернистам или поздним модернистам, демонстрируя тем самым неприятие философии постиндустриальной эпохи.

П. Брукер подчеркивает наличие очевидной дистанции между модернизмом и современной британской поэзией, где, начиная с 50-х гг. XX в. явно обозначено противоречие по отношению к модернизму, которое, однако, не находит своего художественного выражения в новаторском языке постмодернизма [Brooker, 1992. P. 139–151]. Таким образом, современная британская поэзия балансирует между модернизмом и эстетикой постмодерна [Лиотар, 2007. С. 322–332].

В связи с этим данное литературное направление неоднозначно воспринимается в британской литературной критике. Например, Б. Моррисон и Э. Моушен в предисловии к «Современной британской поэзии» (1982 г.) отмечают, что авторы, представленные в данной антологии, демонстрируют переход в постмодернизм [The Penguin Book of Contemporary British Poetry, 1982. Р. 11–21]. В то же время М. Халс, Д. Кеннеди и Д. Морем в «Новой поэзии» (1993 г.) делают акцент на демократичности, юморе и открытости поэтов постмодерна, чьи тексты представлены в данном сборнике [The New Poetry, 1993. Р. 10–15]. Многие современные авторы, чьи стихотворения вошли в «Оксфордскую антологию британской и ирландской поэзии XX в. [Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry, 2001], демонстрируют такие специфические характеристики постмодернистской эстетики, как двойное кодирование, особая роль языка, который становится средством и предметом поэзии, интертекстуальность, пастиш, нон-селекцию [Лиотар, 1998. С. 29–34].

Вслед за прозой британская поэзия переосмысливает исторические, литературные и религиозные архетипы, что соотносится с переоценкой современных реалий. Британские поэты обращаются к проблемам нравственности в постиндустриальной эпохе, государственности и политики. Следует также отметить, что британская поэзия постмодерна так же философична, как и проза. Поэты затрагивают философско-религиозную проблематику, проблемы личностного становления, нравственности и самоидентификации.

При этом специфической чертой лирики британского постмодернизма является феномен «женской поэзии», в которой преобладают такие темы, как идентичность в мультикультурном пространстве, принадлежность к определенной традиции, а также особое женское восприятие окружающего мира [Kennedy, 2013. Р. 18–30].

Таким образом, можно сделать вывод, что современная британская поэзия – это сложный многогранный феномен, включающий в себя черты модерна, постмодерна и авангарда. Датировка возникновения постмодернистской поэзии остается спорным вопросом, но в целом большинство критиков относят лирическое творчество представителей данного литературного явления ко второй половине XX в. Современные британские поэты пытаются переосмыслить экзистенциальные философские проблемы, социальные вопросы постиндустриальной эры, а также обращаются к повестке мультикультурализма в контексте поиска идентичности. Поэтика современной британской лирики характеризуется фрагментарностью, неопределенностью, интертекстуальностью и, как следствие, стилистической эклектикой и аллюзиями, двойным кодированием, пастишем и нонселекцией.

4. Языковое выражение современной мифологии как способа художественной когниции в лирике британского постмодерна

Лингвистический анализ лирических текстов постмодерна показал, что современное мифотворчество становится способом художественной когниции. Авторы постмодера при помощи традиционных, а также инновационных языковых средств создают собственные мифологические системы, элементами которых являются образы, заимствованные из общеизвестных сюжетов и творчески переосмысленные. Таким образом, мифотворчество как способ художественной когниции дает возможность экспликации новых смыслов из различных эсхатологий, что позволяет современному индивиду выстроить новую систему мифов, аккумулирующую накопленные знания и объясняющую современную реальность исходя из новых принципов, таких как хаотичность, интерактивность, сингулярность и непредсказуемость.

При помощи лингвистического, интерпретационного, грамматического, фонетического и контекстуального анализа лирических текстов британских поэтов постмодерна, представленных в сборнике «В двух измерениях. Современная британская поэзия русских переводов»,

были выявлены следующие языковые способы репрезентации современного мифотворчества: историческая, культурная, географическая, мифологическая, сказочная аллюзия; интертекстуальная метафора; аллюзийный поток; стилизация, представленная фонетической, лексической и синтаксической имитацией интертекста; олицетворение природных стихий, опровержение мифа, взаимодействие с читателем.

Источники исторических, культурных мифологических аллюзий в лирике британского постмодерна очень разнообразны. К ним можно отнести магические тексты, например, заговоры, древнегреческую, древнегерманскую эсхатологию, мифы индейцев, образы, связанные с традиционными праздниками и фестивалями и др. Среди сказочных аллюзий преобладают отсылки к творчеству братьев Гримм. Аллюзии в лирических текстах британского постмодерна часто сочетаются с олицетворением той или иной природной силы.

Интертекстуальная метафора является очень распространенным приемом, в основе которой лежит скрытое сопоставление аллюзийных образов.

Аллюзийный поток представляет собой сложную структуру, включающую в себя несколько взаимосвязанных интертекстуальных образов, сочетание которых в рамках одного стихотворения создает приращение художественного смысла.

Стилизация интертекста как разновидность риторической интертекстуальности репрезентируется пародированием и творческим подражанием другому автору [Redmond, 2009. P. 10].

Художественный прием, обозначенный как «опровержение мифа», является новаторским. В основе данного тропа лежит аллюзия или совокупность аллюзий, отсылающих читателя к общеизвестной мифологической, религиозной системе или прецедентному тексту, репрезентирующему особенности той или иной культуры, истинность которых подвергается сомнению или развенчивается автором. Довольно часто опровержение мифа в лирике британского постмодерна строится на взаимодействии с читателем, в процессе которого читатель оказывается вовлеченным в определенную игру и сам определяет истинность мифа.

В данной статье обозначенные выше языковые средства репрезентации мифотворчества как способа художественной когниции рассматриваются на материале поэтических текстов современных британских поэтов Кэтрин Рэйн (1908–2003), Паскаль Пети (1953 г.р.) и Дженни Джозеф (1932–2018).

Истоки художественной когниции К Рэйн лежат в области мифотворчества. В своих лирических текстах, отсылающих читателя к различным эсхатологиям, древнегреческой, кельтской, индийской и др., автор создает свой уникальный поэтический мир, представляющий собой мозаику из мифологических, религиозных, философских воззрений, репрезентируемых посредством особого художественного языка. Например, в названиях нескольких стихотворений поэта присутствует слово «spell» (заговор). К. Рэйн, имитируя язык данного магического жанра, создает свой собственный заговор, вписанный с современной действительностью. Текст традиционного английского заговора характеризуется многочисленными аллитерациями, ассонансами, повторами, четким ритмом [Олсан, Джонс, 2011. С. 110–115].

Поэтому, к примеру, стихотворение «Spell of Sleep» / «Заговор на сон грядущий» отличается ясно прослеживаемой метрикой: каждая строфа состоит из четырех строк, в отличие от двух последних, структурированных из шести; в первой и третьей строках каждой строфы безударный слог сменяется ударным, формируя тем самым трехстопный ямб, в то время как во второй и третьей строках сочетание безударный/ударный сменяется на противоположное, т. е. на смену ямбу приходит хорей. Однако по мере развития лирического текста ритм становится все менее четким: создается ощущение, что поэт, намекая в начале лирического текста на его принадлежность к жанру заговора, постепенно погружается в современную действительность поэзии постмодерна, которая по своему ритму близка к прозаическому тексту. Тем не менее каждая строфа содержит анафоры «Let him», а также различные вариации с предлогом «as» – «as leaves», «as young birds», «as islands», что также характеризует стандартный английский заговор.

За внешней формой данного жанра скрывается образное, насыщенное художественными тропами стихотворение, лирическая героиня которого, обращаясь к сновидению как божественному началу, просит исцелить и защитить своего возлюбленного. Олицетворение сна разворачивается на протяжении всего стихотворения, выраженное через глагол «let», открывающий каждую строфу. Действия сна описаны через многочисленные сравнения с природными стихиями: «Let him be hidden in sleep / as islands under rain / as mountains within their clouds ...» / «Спрячь-сокрой его сон, как острова под ливнем, как в облаках вершины» [В двух измерениях... 2009. С. 98–99], а также метафорические ряды, усиливающие эмоциональный образ любящей женщины, ищущей спасения для своего возлюбленного: «Let him be healed in sleep / in the quiet waters of night / in the mirroring pool of dreams / where memory returns in peace, where the troubled spirit grows wise / and the heart is comforted». / «Исцели его, сон, / В тихих полных водах, / В глади зеркальных грез, / Где возвращается память, / Смуту сменяет мудрость, / Сердце совсем не болит». Ночь уподобляется воде, исцеляющей дух и успокаивающей сердце [Там же].

Таким образом, поэт создает свой особенный миф о мире сновидений. Заговор становится уникальной формой художественной когниции: поэт пытается осмыслить сущность и предназначение снов.

Поэтесса П. Пети в своих лирических текстах, объединяя множество мифов, создает собственные, вписанные в современную действительность и уникальными способами трактующие ее. Например, стихотворение «Noon in the orchid house, Kew Gardens» / «Полдень в ботаническом саду Кью» (с. 352, 353) составлено из исторических и мифологических аллюзий из культуры индейцев майя и ацтеков. Лирический текст начинается с обращения к принцу цветов, что является аллюзией на мифы ацтеков, в которых принцем или князем цветов считали бога Ксочипилли, покровителя растительного мира: «Didn't I tell you you are my Prince of Flowers?» / Князем цветов я тебя окрестила когда-то...» [Там же. С. 352–353]. Далее автор рассказывает о кровавых жертвоприношениях королевы майя Ксок, которая продевала веревку с шипами через отверстие в языке, чтобы получить помощь от ушедших предков или добиться благосклонности богов [Clark, Houston, 1998. P. 31–46]: «Lady Хок, trying for visions, / passed a thorned rope through her tongue.» / «Знаешь, принцесса одна, чтобы вызвать видения, / по языку пропускала бечевку с шипами...» [Там же]. Данный аллюзийный поток, отсылающий читателя к мифам индейцев, дополняется географической аллюзией: поэт упоминает остров Сакрисфиос, расположенный в Мексиканском заливе, где, согласно легендам, совершались человеческие жертвоприношения. Таким образом, П. Пети создает собственную мифологию, в которой образы из мифов и легенд индейцев складываются в цельную картину современной реальности, где культурные границы стираются. Аллюзийный поток служит для создания уникальной истории познания своего я. Лирическая героиня, гуляющая по Королевским ботаническим садам Кью в Лондоне, в попытке познать себя, обращается к принцу цветов, ацтекскому богу Ксочипилли и королеве майя Ксок, совершавшей кровопускание ради видений. Завершается стихотворение интертекстуальной метафорой: поэт уподобляет свое сознание дому, а мифы, в которые сознание погружено, сравнивает с орхидеями, увивающими крышу дома. Таким образом, метафора подводит определенный итог, выражая мысль о неизбежной мифологичности современного мышления, структурированного из огромной сети взаимосвязанных эсхатологий: «Of course, when I find you, you are an orchid / clinging to the porous roof of a host» [Там же] / «Конечно, когда я найду тебя, ты орхидея, цепляющаяся на пористую крышу хозяина» (дословный перевод).

Д. Джозеф в своем творчестве часто обращается к сказочным сюжетам. На основе лингвистического анализа ее лирики был определен новаторский художественный прием, обозначенный как «опровержение мифа».

В стихотворении «Still reading fairy stories» / «Все те же сказки» поэт при помощи сказочных аллюзий выстраивает своеобразную игру с читателем, намекая на общеизвестный сюжет,

согласно которому принц отправляется в путь ради спасения принцессы: «If you were bred on fairy tails / As was I / You would know where the prince was going to / And why...» / «Если детство твое прошло за чтением сказок, как у меня, / Ты, конечно, знаешь, к кому направлялся принц, / зачем торопил коня» [Там же. С. 216–217]. Однако поэт сразу же предупреждает о нереальности описанных в сказке событий, что на языковом уровне выражается через придаточное условное (Third Conditional): «And if you had also lived in the world / As I have done / You would know too that he went past ten-foot wall of roses / And kept straight on». / «Но так как мы живем в мире, который / не признает чудес, / Ты знаешь и то, что принц не доехал до замка. / Не там свернул. / И исчез» [Там же. С. 216–217]. Таким образом, Д. Джозеф опровергает сказочную историю, основываясь на противопоставлении двух миров, фантастического и реального, где чудеса невозможны.

Прием опровержения мифа в данном случае содержит дополнительный аллюзийный пласт, так как на протяжении всего лирического текста встречаются отсылки к известной всем истории о Спящей красавице, впервые упоминаемой в фольклорных источниках, а позже в литературных изложениях Д. Базиле, Ш. Перро и братьев Гримм. Общая канва сюжета данной сказки сводится к тому, что принцесса, уколотившись о веретено ведьмы, засыпает. Лирический текст Д. Джозеф отсылает читателя к более поздней версии сказки Ш. Перро и братьев Гримм, где вокруг замка вырастает непроходимая стена из шипов, которую впоследствии прорубает принц и будит красавицу поцелуем [Brüder Grimm, 1887. S. 61–66; Перро Ш., 1901]: «ten-foot wall of roses» (в дословном переводе – десятифутовая стена из роз); «hacked this way through» (в дословном переводе – прорубил себе путь). Автор также упоминает возможный счастливый финал, когда принцессу разбудит поцелуй: «And the power of life through that long-waiting silence was / All in the kiss» / «И сотню, нет, даже тысячу лет молчания / прервет поцелуй» [В двух измерениях. Современная британская поэзия, 2009. С. 216–217]. Поэт ставит под сомнение саму веру в чудо, однако в то же время обращается к читателю с вопросом о том, поверил ли бы он в другой исход данной истории, где принц все-таки находит верный путь и свою любовь, т. е. опровержение мифа в данном стихотворении дополняется своеобразной игрой с читателем, которому в итоге предоставляется возможность выбора между двумя мирами.

В результате анализа лирических текстов британских поэтов постмодерна можно заключить, что мифотворчество постмодерна является способом художественной когниции и репрезентируется широким набором языковых средств, в основе которых лежит интертекстуальность. Путем смешения древнегреческой, кельтской, индийской и других мифологических систем поэты создают уникальную художественную картину мира, выраженную особым языком.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что современное мифотворчество представляет собой сложный философский феномен. Новая мифология становится источником псевдореальности и при этом постоянно отсылает к другим мифам и образам, переосмысляя их. Миф становится системой нарративов и принадлежит исключительно пространству языка.

В литературе постмодерна миф является творением конкретного автора, который на базе культурнозначимых мотивов и образов создает собственную мифологическую систему, конструируя из общеизвестных мифов уникальную художественную реальность.

С точки зрения лингвистики, миф – это сложный языковой знак, регулирующий жизнь человека на бессознательном уровне и связывающий друг с другом культуру и язык. Помимо этого, миф представляет собой стереотип мышления и также является дискретной когнитивной структурой, состоящей из архетипа и содержательной формы. Изначальные формы архетипа, мифологемы являются когнитивно-семантическими универсалиями, а на лексическом уровне

миф структурируется из мифем. Включение мифа в художественное творчество осуществляется через символические концепты, выражающие новые авторские смыслы.

Современные британские поэты пытаются переосмыслить экзистенциальные философские проблемы, социальные вопросы постиндустриальной эры, а также обращаются к повестке мульткультурализма в контексте поиска идентичности. Поэтика британской постмодернистской лирики характеризуется фрагментарностью, неопределенностью, интертекстуальностью и, как следствие, стилистической эклектикой и аллюзиями, двойным кодированием, пастишем и нонселекцией. Современное мифотворчество эпохи постмодерна становится способом художественной когниции, создавая новые смыслы путем сопоставления различных мифологических систем. Данная когнитивная практика необходима для познания новой реальности, которую отличают хаотичность, интерактивность, сингулярность и непредсказуемость. Мифология постмодерна репрезентируется уникальным языком.

В результате анализа лирических текстов британских поэтов постмодерна были выявлены такие языковые способы репрезентации современного мифотворчества, как историческая, культурная, географическая, мифологическая, сказочная аллюзия; интертекстуальная метафора; аллюзийный поток; стилизация, представленная фонетической, лексической и синтаксической имитацией интертекста; олицетворение природных стихий, опровержение мифа, взаимодействие с читателем. Исследование лирики британских поэтов К. Рэйн, П. Пети и Дж. Джозеф показало, что языковые способы выражения мифа очень разнообразны и отличаются друг от друга у различных писателей. К. Рэйн обращается к древнегреческой, кельтской, индийской и др. эсхатологиям, создавая на их основе уникальный поэтический мир. Художественный язык поэта характеризуется многочисленными аллюзиями из различных культур и религий, олицетворениями и метафорами природных сил. Поэтесса П. Пети апеллирует к мифологическим системам мексиканских индейцев и, объединяя несколько мифов, создает собственные при помощи интертекстуальных метафор и аллюзийных потоков. Для творчества Дж. Джозеф, которая часто выстраивает свои мифологические системы на основе сказочных сюжетов, характерна игра с читателем, в ходе которой происходит опровержение мифа.

Перспективы дальнейшего исследования языковой репрезентации мифотворчества постмодерна лежат в дальнейшем изучении когнитивных основ современной мифологии в рамках художественного творчества и выявлении инновационных способов языкового выражения современного мифа.

Список литературы

- Барт Р.** Мифологии. М.: Академический проект, 2008. 351 с.
- Бодрийяр Ж.** Симулякры и симуляция. М.: Постум, 2015. 240 с.
- Болдырев Н. Н.** Оценочная концептуализация как фактор развития языковой картины мира // Александровский сборник: Сб. научн. ст. к юбилею доктора филологических наук, профессора О. В. Александровой. М.: Наука. 2022. С. 46–57. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50072214_46691262.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
- Глухенькая Л. Н.** Поливалентная поэтика постмодернизма в поэзии К. Э. Даффи // Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы: Материалы V Междунар. научн. конгресса. Симферополь: Изд-во типографии «Ариал». 2021. С. 115–120. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47135123_50945718.pdf (дата обращения: 10.03.2024).
- Кравченко А. К.** Миф и языковая картина мира // Проблемы билингвизма в поликультурном пространстве: Материалы I Междунар. научн.-практ. конф. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ. 2006. С. 90–92.
- Леви-Стросс К.** Структурная антропология. М.: Академический проспект, 2008. 555 с.
- Лиотар Ж.-Ф.** Ответ на вопрос: что такое постмодерн? // Эстетика и теория искусства XX века: Хрестоматия. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 322–332.

- Лютар Ж.-Ф.** Состояние постмодерна. М.: Ин-т экспериментальной социологии. СПб.: Алетейя, 1998. 160 с.
- Нанси Ж. Л.** Прерванный миф // Непроизводимое сообщество. М.: Водолей, 2009. С. 113–116.
- Попова Н. С.** Когнитивные метафоры времени как результат взаимодействия мыслительных и языковых структур // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 229–233. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44231571> (дата обращения: 10.03.2024).
- Семейн Л. Ю.** Орнитологическая символика в англо-шотландской балладе: когнитивный аспект // Вестн. Омск. гос. пед. ун-та. 2011. С. 25–29. URL: <https://emirsaba.org/elektronnij-nauchnij-jurnal-vestnik-omskogo-gosudarstvennogo-p.html> (дата обращения: 10.03.2024).
- Элиаде М.** Аспекты мифа. М.: Инвест-ППП: СТ «ППП», 1996. 235 с.
- Bouloumie A.** Michel Tournier: Le roman mythologique suivi de Questions a Michel Tournier. P.: Libr. Corti, 1988. 278 p.
- Brooker P.** Modernism/Postmodernism. London: Routledge, 1992. 280 p.
- Campbell J.** The Hero with Thousand Faces. Novato: Joseph Campbell Foundation; New World Library, 2008. 383 p.
- Clark J., Houston S.** Craft Specialization, Gender, and Personhood Among the Post-Conquest Maya of Yucatan, Mexico // Craft and Social Identity / Washington: C. Costin, R. Wright (eds.). 1998. P. 31–46.
- Kennedy D.** Women's Experimental Poetry in Britain 1970–2010: Body, Time and Locale. Liverpool: Liverpool Univ. Press, 2013. 192 p.
- Laurence S., Margolis E.** Concepts and Cognitive Science. URL: <https://www.cs.nyu.edu/courses/fall07/G22.3033-006/CCS.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
- Olsan Lea T., Jones Peter Murray.** Charms and Amulets for Conception and Childbirth // Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR). 2011. P. 110–115. URL: https://yandex.ru/search/?text=Олсан+Л.Т.,+Джонс+П.М.+Заговорные+тексты+в+структурном+и+сравнительном+освещении&search_source=dzen_desktop_safe&src=suggest_B&lr=51 (дата обращения: 10.03.2024).
- Redmond Michael J.** Shakespeare, politics, and Italy: intertextuality on the Jacobean stage. Burlington: Farnham : Ashgate, 2009. 242 p.
- Smith B.** Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. URL: <http://ontology.buffalo.edu/bfo/BeyondConcepts.pdf> (дата обращения: 10.03.2024).
- Talmy L.** Towards a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge: The MIT Press, 2000. 495 p.
- W. Welsch.** Unsere postmoderne Moderne. Berlin: Akademie Verlag, 2008. 346 S.

Список источников

- В двух измерениях:** Современная британская поэзия в русских переводах. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 530 с.
- Перро Ш.** Спящая красавица. СПб.: Е. В. Лавров и Н. А. Попов, 1901. 24 с.
- Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry** / ed. by K. Tuma. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001. 976 p.
- Brüder Grimm.** Kinder und Hausmärchen. New-York: Henry Holt and Company, 1887. 351 S.
- The New Poetry** / ed. by M. Hulse, D. Kennedy, D. Morley. Hexham: Bloodaxe Books, 1993. 352 p.
- The Penguin Book of Contemporary British Poetry** / ed. by B. Morrison, A. Motion. London: Penguin Books, 1982. 208 p.

References

- Barthes R.** Semiotics and poetics. Moscow, Progress publ., 2000, 616 p.
- Baudrillard J.** Simulacra and Simulation. Moscow, Izdatel'skij dom «POSTUM», 2015, 240 p.
- Boldyrev N. N.** Ocenoch'naya konceptualizaciya kak faktor razvitiya yazykovoj kartiny mira [Evaluative conceptualization as a factor of dynamics of the language view of the world]. In: *Aleksandrovskij sbornik. Sbornik nauchnyh statej k yubileju doktora filologicheskikh nauk, professora O. V. Aleksandrovoj*. Moscow, Nauka publ., 2022, pp. 46–57. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_50072214_46691262.pdf (accessed: 10.03.2024).
- Gluhen'kaya L. N.** Polivalentnaya poetika postmodernizma v poezii K. E. Daffi. In: *Inostrannaya filologiya. Social'naya i nacional'naya variativnost' yazyka i literatury: materialy V mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa*. Simferopol', Arial publ., 2021. P. 115–120. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_47135123_50945718.pdf (accessed: 10.03.2024).
- Kravchenko A. K.** Mif i yazykovaya kartina mira [Myth and linguistic worldview]. In: *Problemy bilingvizma v polikul'turnom prostranstve: materialy I mezhd. nauchn-prakt. konferencii*. Gorno-Altajsk, Izd-vo GAGU, 2006, pp. 90–92.
- Levi-Strauss K.** Structural Anthropology. Moscow, Akademicheskij prospect publ., 2008, 555 p. (In Russ.)
- Liotar Zh.-F.** Otvet na vopros: chto takoe postmodern? In: *Estetika i teoriya iskusstva XX veka: Hrestomatiya*. Moscow, Progress-Tradiciya publ., 2007, pp. 322–332. (In Russ.)
- Liotar Zh.-F.** Sostoyanie postmoderna. Moscow, Institut eksperimental'noj sociologii; Saint Petersburg, Aletejya publ., 1998, 160 p. (In Russ.)
- Nancy J. L.** Prervannyj mif [Myth interrupted]. In: *Neproizvodimoe soobshchestvo*. Moscow, Vodoley publ., 2009, pp. 113–116. (In Russ.)
- Popova N. S.** Kognitivnye metafory vremeni kak rezul'tat vzaimodejstviya myslitel'nyh i yazykovykh struktur [Cognitive metaphors of time as the result of interaction of cognitive and language structures]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka*, 2020, № 3 (42), pp. 229–233. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44231571> (accessed: 10.03.2024).
- Semejn L. Yu.** Ornitologicheskaya simbolika v anglo-shotlandskoj ballade: kognitivnyj aspekt [Ornithological symbolism in the Anglo-Scottish ballad: cognitive aspect]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2011, pp. 25–29. URL: <https://emirsaba.org/elektronnij-nauchnij-jurnal-vestnik-omskogo-gosudarstvennogo-p.html> (data obrashcheniya 10.03.2024).
- Eliade M.** Aspekty mifa [Aspects du mythe]. Moscow, 1996, 235 p.
- Bouloumie A.** Michel Tournier: Le roman mythologique suivi de Questions a Michel Tournier. Paris, Libr. Corti, 1988, 278 p.
- Brooker P.** Modernism/Postmodernism. London, Routledge, 1992, 280 p.
- Campbell J.** The Hero with Thousand Faces. Novato, Joseph Campbell Foundation; New World Library, 2008, 383 p.
- Clark J., Houston S.** Craft Specialization, Gender, and Personhood Among the Post-Conquest Maya of Yucatan, Mexico. In: *Craft and Social Identity*. Washington, C. Costin, R. Wright(eds.), 1998, pp. 31–46.
- Kennedy, D.** Women's Experimental Poetry in Britain 1970–2010: Body, Time and Locale. Liverpool, Liverpool University Press, 2013, 192 p.
- Laurence S., Margolis E.** Concepts and Cognitive Science. URL: <https://www.cs.nyu.edu/courses/fall07/G22.3033-006/CCS.pdf> (accessed: 10.03.2024).
- Olsan Lea T., Jones Peter Murray.** Charms and Amulets for Conception and Childbirth. In: *Proceedings of the Conference of the International Society for Folk Narrative Research's (ISFNR)*. 2011. P. 110–115. URL: <https://yandex.ru/search/?text=Олсан+Л.Т.,+Джонс+П.М.+Заговоры>

- ые+тексты+в+структурном+и+сравнительном+освещении&search_source=dzen_desktop_safe&src=suggest_B&lr=51 (accessed: 10.03.2024).
- Redmond Michael J.** Shakespeare, politics, and Italy: intertextuality on the Jacobean stage. Burlington, Farnham : Ashgate, 2009, 242 p.
- Smith B.** Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. Beyond Concepts: Ontology as Reality Representation. URL: <http://ontology.buffalo.edu/bfo/BeyondConcepts.pdf> (accessed: 10.03.2024).
- Talmy L.** Towards a Cognitive Semantics. Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, The MIT Press, 2000, 495 p.
- Welsch W.** Unsere postmoderne Moderne. Berlin, Akademie Verlag, 2008, 346 S.

Sources

- V dvuh izmereniyah:** Sovremennaya britanskaya poeziya v russkih perevodah [In two dimensions: Contemporary British poetry in Russian translations.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2009, 530 p.
- Perro Sh.** Spyashchaya krasavica. Saint Petersburg, E. V. Lavrov i N. A. Popov, 1901, 24 p.
- Anthology of Twentieth-Century British and Irish Poetry.** K. Tuma (Ed). Oxford, Oxford University Press, 2001, 976 p.
- Brüder Grimm.** Kinder und Hausmarchen. New-York, Henry Holt and Company, 1887, 351 S.
- The New Poetry.** M. Hulse, D. Kennedy, D. Morley (Eds). Hexham, Bloodaxe Books, 1993, 352 p.
- The Penguin Book of Contemporary British Poetry.** B. Morrison, A. Motion (Eds). London, Penguin Books, 1982, 208 p.

Информация об авторе

Линниченко Светлана Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Самарского государственного технического университета

Information about the Author

Svetlana I. Linnichenko, Candidate of Philology, Associate Professor of the Foreign Languages Department, Samara State Technical University

*Статья поступила в редакцию 11.03.2024;
одобрена после рецензирования 27.05.2024; принята к публикации 31.05.2024*

*The article was submitted 11.03.2024;
approved after reviewing 27.05.2024; accepted for publication 31.05.2024*